

Хотелось бы подвергнуть сомнению важный постулат, незыблемый для большинства современных элитологов, а именно, их убежденность в том, что стиль поведения и в том числе отношение к ответственности транслируется по нисходящей, то есть от элит высшего уровня к элитам нижних слоев иерархии

БРЕМЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ, ИЛИ Попытка ресакрализации элит

Элиты: антропологическая перспектива

Антропологический метод несколько отличается от тех, что приняты в политологии или, скажем, социологии, вклад которых в изучение элит до настоящего времени был наиболее существенным. Антропологи, в отличие от своих коллег по цеху гуманитариев, склонны к максимально возможной индукции и, можно сказать, даже находят определенное удовольствие в том, чтобы делать глобальные выводы о путях развития человечества на основе анализа незначительных деталей, присущих образу жизни жителей удаленных сельских поселений. При

Максим Сергеевич Михалёв –
PhD, докторант Института
этнологии и антропологии РАН

этом они принимают во внимания единичные и нерепрезентативные, но, по их мнению, достойные вни-

мания факты. Осознавая определенную несбалансированность такого подхода, следует признать, что рассмотрение проблемы, предпринятое в подобной антропологической оптике, способно придать дискуссии по поводу ответственности элит истинно гуманистическое измерение, которое до настоящего времени ей в общем-то никогда не было присуще.

Не имея ни намерения, ни возможности вставать на ту или иную сторону в политическом по своей сути споре о том, кто является национальной элитой и в соответствии с какими социальными закономерностями такая элита зарождается, развивается, деградирует и в конце концов сходит с исторической сцены, хотелось бы, однако, поставить под сомнение одно довольно важное предположение, которое

остаётся незыблемым и не подвергается сомнению в независимости от того, к какой школе принадлежит тот или иной исследователь элит. Для функционалистов ровно в той же степени, как и для меритократов, элита имплицитно и эксплицитно всегда соотносится с политическим и деловым центром той территории, элитой которой она в реальности является или элитой которой она себя мнит. Это связано с тем, что центр – в представлении большинства политологов и социологов – выступает в качестве средоточия совершенного и квинтэссенции прогрессивного. Стало быть, в подобной интерпретации и элита, которая либо в идеале, либо в действительности также является средоточием совершенного и квинтэссенцией прогрессивного, не может существовать за пределами этого центра. Другими словами, центрированность является необходимым, хотя и недостаточным, признаком принадлеж-

ности к элите. Определённые уступки могут при этом делаться лишь в отношении контрэлиты, которой дозволяется быть временно локализованной на периферии. При этом и ей в теоретических построениях большинства элитологов приписывается имманентное стремление рано или поздно оказаться как можно ближе к центру с тем, чтобы занять там место предыдущей элиты, отправленной к тому времени на покой.

На самом деле, если в отношении элит политических и в какой-то степени экономических высказываемое таким образом допущение имеет определённый смысл, то в отношении элит научных, творческих и культурных оно является очевидной помехой, не позволяющей рассмотреть данный феномен в необходимой целостности. Подобное упущение в особенности досадно как раз в отношении проблемы ответственности, которую гораздо продук-

тивнее рассматривать на примере элит, проживающих на достаточном удалении от центра страны и по этой причине оказывающихся более укоренёнными в её традиции и значительно сильнее привержёнными её истинным интересам. Немаловажно и то, что именно в удалённых районах непредвзятому исследователю могут оказаться доступными примеры значительно большей вариативности поведения. В случае же, если он концентрирует всё своё внимание лишь на достаточно однородных элитах, сосредоточенных в центре страны, у него с лёгкостью формируется стереотипное их восприятие, основанное на наблюдении за весьма ограниченным и специфическим кругом лиц, в силу своего центрального положения подвергшихся значительному влиянию извне. Поэтому фокусировка на периферийных элитах, которым до сих пор уделялось слишком мало внимания, имеет большой практический смысл.

Другой помехой на пути поиска свежих идей, способных вывести элиты из кризиса, является твёрдая, но при этом ни на чём не основанная убежденность большинства современных ученых в том, что интеллектуальный уровень человечества – а, стало быть, и уровень его осведомленности – постоянно повышается, с каждым новым поколением приближаясь всё ближе к истине. Несмотря на то, что подобный вульгарный эволюционизм остаётся все-таки прерогативой естественных наук, вирус уверенности в превосходстве современных подходов к организации общественной жизни и, как следствие, снисходительного отношения к подходам традиционным поразил и немало представителей наук общественных. В их представлении общество последовательно движется к всё более совершенным формам, и потому задача науки состоит лишь в том, чтобы не дать социальному прогрессу замедлить свой темп, постоянно его прищипывая. Вкупе с упомянутой выше центристской парадигмой это создаёт довольно странную ситуацию, когда в поисках ответов на вопросы, которые ставит перед ними современность, российские ученые, к примеру, стремятся слепо следовать теоретическим построениям и практическим шагам по их импле-

Объектом исследования должны стать элиты самого низшего – сельского и поселкового – уровня, которые на самом деле являются не калькой, а прообразом и основой гармонии высших уровней социальной иерархии. В идеале, к которому следует стремиться, именно низовые элиты – а точнее, их запросы и их образ действия – определяют порядок функционирования элит высших

Олег Ломакин. В колхозе

Для функционалистов ровно в той же степени, как и для меритократов, элита имплицитно и эксплицитно всегда соотносится с политическим и деловым центром той территории, элитой которой она в реальности является или элитой которой она себя мнит

→ ментации, предлагаемым европейскими и американскими исследователями. Имплицитно именно за ними признается приоритет в любых вопросах знания, даже в вопросах организации собственной общественной жизни. Принимая во внимание тот факт, что, с точки зрения истории знания, европейская мысль является весьма неразвитой в сравнении с мыслью восточной, слепое преклонение перед ее постулатами выглядит нелепым. Даже в том случае, когда она в процессе заимствования подвергается критике, ситуация никоим образом не меняется, ибо движение по оси коор-

«И мы зовем их теми, которые находятся у власти»

динат в обратную сторону от той же самой точки отсчета несколько не меняет сути явления, которое Николай Данилевский называл главной болезнью русской общественной жизни. Случай с наукой США является при этом не чем иным, как доведенной до абсурда тенденцией видеть в самом современном наиболее прогрессивное. Страна, не обладающая ни сколь-нибудь значимым историческим опытом, ни проверенным веками философским знанием, не может служить точкой отсчета по определению. Однако именно это мы зачастую и наблюдаем.

Наконец, хотелось бы подвергнуть сомнению еще один важный постулат, незыблемый для большинства современных элитологов. Имеется в виду их убежденность в том, что стиль поведения и в том числе отношение к ответственности транслируется по нисходящей, то есть от элит высшего уровня к элитам нижних слоев иерархии. Думается, это является заблуждением. В связи с этим можно вспомнить об эволюции концепции Поднебесной, определявшей и во многом до сих пор определяющей политический климат в Китае. В древности идея ее незыблемости подразумевала, что истинная гармония рождается на самом нижнем уровне общественной иерархии, то есть на уровне индивидуальной семьи. Семья экстраполирует себя на более высокие уровни иерархии, в конце концов гарантируя достижение гармонии и на самой вершине властной пирамиды. В дальнейшем древняя мудрость была переиначена, и гармонии высших сфер стало придаваться первоочередное значение, ибо считалось, что именно она определяет гармонию нижних сфер. Китайские мудрецы видят в этой подмене, произошедшей без малого две тысячи лет назад, первопричину утраты вселенского порядка. Должны об этом скорбеть и мы, ибо современные представления об уровне ответственности элит страдают подобным же перевернутым восприятием реальности. «Рыба тухнет с головы», – гласит народная мудрость, и это представляет собой как раз тот самый обратный порядок причины и следствия, который вдумчивым китайцам видится нарушением порядка исконного. В применении к вопросу ответственности элит это означает, что для того чтобы понять корень проблемы и вы-

Там, где в относительной неприкосновенности сохраняется традиционный уклад жизни и политическая воля, транслируемая из центра, не настолько сильна, чтобы полностью подавить местные формы самоорганизации, существенным авторитетом наряду с официальными представителями власти пользуются у людей шаманы

явить пути ее решения, следует обратить свой взор на самый нижний уровень иерархии – вместо того, чтобы со всей пристальностью изучать верхи верхов. В этом случае только поняв, на основе чего и как функционируют элиты на уровне небольшого сообщества и что именно является источником их ответственности, а также какие формы она принимает, можно в дальнейшем экстраполировать полученные выводы и на высшие страты элит.

Словом, ответ на вопрос о природе и мере ответственности элит следует искать вовсе не там, где это сейчас обычно делается. Во-первых, объектом исследования должны стать элиты самого низшего – сельского и поселкового – уровня, которые на самом деле являются не калькой, а прообразом и основой гармонии высших уровней социальной иерархии. В идеале, к которому следует стремиться, именно низовые элиты – а точнее, их запросы и их образ действия – определяют порядок функционирования элит высших, которые лишь затем в порядке обратной связи и в ограниченной мере влияют на ситуацию на местах. Во-вторых, территория, на которой следует искать ответы на поставленные вопросы, должна находиться на значительном удалении от признанных политических и экономических центров страны. Это обусловлено тем, что именно здесь, как правило, лучше сохраняются те формы организации общественной жизни, которые являются самыми характерными для данной культуры и

В памирских кишлаках с глубокой древности существовали неформальные духовные лидеры, которые не исчезали окончательно даже в советский период. Эти люди в глазах односельчан обладали весомым авторитетом. В наши дни этим людям был придан весьма официальный статус халифа, и с недавних пор всех их назначает, утверждает и административно контролирует памирское представительство имама исмаилитов Ага Хана IV (на фото)

Подлинным источником авторитета сельского чиновника является приписываемая ему способность отстаивать интересы вверенного ему сообщества в верхах, а авторитет сельского шамана зависит от того, какого ранга и какой силы духи выказали ему свою поддержку

самыми свободными от ее искажений, а стало быть, и содержат ключ к пониманию ее истинной природы. Объектом анализа, другими словами, должны стать районы наиболее консервативные и, следовательно, наиболее свободные от влияния так называемых прогрессивных тенденций. Наконец, моральным императивом и идеологической основой исследования должны являться не новомодные – в основном западные – учения, равняться на которые по ка-

кой-то причине стало обязательным среди современных ученых, а традиционное мировоззрение и формы самоорганизации, доказавшие свое право на истину тысячелетиями исправного функционирования в рамках среды, их обуславливающей.

Таким образом, попытаемся найти ответы на вопросы о природе ответственности элит, ее источнике, динамике и принимаемых формах не в центре страны, как это обычно де →

Нурали Хайлобеков. В Горном Бадахшане

Возвращаясь в свои кишлаки со вновь полученными на собраниях исмаилитского актива директивами и разъяснениями, халифа информируют односельчан о текущей политической обстановке и свежих интерпретациях религиозных догм на собраниях. С помощью подобной иерархической сети халифа на местах слово Ага Хана довольно быстро достигает самых удаленных уголков Горного Бадахшана

→ лается, а в далеком пограничье ее азиатской части – в Сибири. Здесь, как представляется, могут быть найдены нестандартные рецепты преодоления текущего кризиса ответственности элит. Подобный выбор связан с тем, что именно в этих районах страны влияние центра ощущается наименее сильно, в то время как влияние традиции – наоборот достаточно заметно. В фокусе внимания при этом оказываются сельские сообщества и сельские элиты как низовые уровни иерархии, в идеале определяющие традицию общенациональную. Для того же, чтобы минимизировать влияние неизбежных искажений, возникающих при попытке сделать далекоидущие выводы на основе всего лишь одного примера, и обеспечить, таким образом, сравнительную базу для исследования, будет кратко рассмотрена также ситуация с местными элитами в настолько же сильно удаленных от центра районах Средней Азии.

Сельские элиты: люди знания

Не составит большого труда обнаружить, что там, где в относительной неприкосновенности сохраняется традиционный уклад жизни, и там, где политическая воля, транслируемая из центра, не настолько сильна, чтобы полностью подавить местные формы самоорганизации, существенным авторитетом наряду с официальными представителями власти пользуются у людей шаманы. Именно шаманы, которым молва приписывает невероятные способности, обладают настолько высоким положением в своих сообществах, что их без всякой натяжки можно назвать представителями местной духовной элиты. Действительно, шаман в Сибири – это обладатель определенного, и довольно высокого, социального статуса. Он – защитник рода и знаток церемоний. При этом он, однако, не может превратить свою обязанность в источник существования, сделавшись опла-

чиваемым профессионалом, или потребовать себе по этому случаю каких-либо привилегий. Более того, он и на основной своей работе вынужден делать больше и стараться быть лучше других, ведь иначе ему непросто будет заслужить то доверие, которым должен обладать человек, которого сельское сообщество согласно признать своим поверенным в духовных делах. Шаман служит людям и делает это безвозмездно, а это нелегкое призвание, тяжелое бремя, ведь он никому не может отказать в проведении обряда, даже если у него самого в это же самое время существуют дела по хозяйству. Это, в свою очередь, зачастую сказывается на его личной и семейной жизни отрицательно. Неудивительно, что большинство людей сторонятся шаманского призвания, а некоторые даже после вынужденного посвящения скрывают этот факт от односельчан, отказываясь проводить обряды.

Отдельно стоит подчеркнуть, что высокий статус шамана связан с тем, что он считается человеком, способным общаться с духами и уполномоченным этими самыми духами помогать людям. Нетрудно заметить, что этим он несколько напоминает руководителя администрации. Разница заключается лишь в том, что последний обладает возможностью общаться с представителями вышестоящих политических органов, в то время как шаман является посланником высших духовных сил. Подлинным источником авторитета сельского чиновника при этом является приписываемая ему способность отстаивать интересы вверенного ему сообщества в верхах, а авторитет сельского шамана зависит от того, какого ранга и какой силы духи выказали ему свою поддержку. Кого из них, другими словами, он при необходимости может призвать себе на помощь. Самым важным при этом является то, что оба они признаются легитимными членами сельской элиты постольку и до той поры, поскольку и пока на их стороне стоят силы, неподвластные односельчанам и находящиеся вне пределов их достижения. Не стоит недооценивать и того, что в результате этого и авторитет шамана, и слава руководителя администрации зависят не только и не столько от того, насколько

Николай Рерих. Заклинатель. 1923 год

хорошо он управляется с насущными проблемами, а от того, насколько умело ему удастся подтвердить свои особые связи в «высоких сферах». В связи с этим односельчане ожидают от шамана, к примеру, постоянной демонстрации этих связей как в процессе разрешения случающихся проблемных ситуаций, так и посредством чисто символических актов – таких, как чудеса или божественные откровения.

Между представителями духовной и политической элиты в сельской Сибири так же, как и во многих других подобных регионах мира, могут иногда случаться конфликты в том случае, если интересы тех сил, от имени которых они действуют, входят в противоречие, либо в ситуации прямой личной конфронтации непосредственно на местах. В этом смысле ситуация на Памире – еще одном окраинном районе Азии – уникальна для всего постсоветского пространства, ибо здесь случилось так, что политическая и духовная власть на уровне сельских общин оказалась совмещенной в одном лице. Дело в том, что в памирских кишлаках с глубокой древности существовали неформальные духовные лидеры, которые не исчезали окончательно даже в советский период. Эти люди

Допустимо будет назвать знание, являющееся первоосновой авторитета шаманов и халифа в сельских сообществах Сибири и на Памире, элитарным. Сам факт обладания им делает возможным беспрекословное подчинение воле его обладателя и абсолютное доверие односельчан к его прозрениям и советам, даже советам в делах мирских

в глазах односельчан обладали весомым авторитетом, к ним часто шли за советом, а также обращались в том случае, если нужно было провести ритуал или освятить талисман. Многие даже верили, что они обладают даром излечения. В наши дни этим людям был придан весьма официальный статус халифа, и с недавних пор всех их назначает, утверждает и административно контролирует памирское представительство имама исмаилитов Ага Хана IV. Надо сказать, что процесс институционализации во многом следует шаблонам, унаследованным еще от советского времени, да и сами халифа зачастую оказываются бывшими членами партии, сменившими свою идеологическую ориентацию. Интересно, что этот факт несколько не смущает ни их самих, ни их односельчан, ведь в глазах последних парторги и халифа озабочены одни-

ми и теми же вопросами и, соответственно, наделяются идентичными социальными статусами. Порою действительно кажется, что поменялись лишь названия должностей да содержание исполняемых ритуалов.

В отличие от шаманов, халифа, как правило, выдвигаются общим собранием жителей кишлака. При этом во внимание принимаются как общественное положение и репутация претендентов среди земляков, их поведение в быту и усердие на работе, так и знание ими Корана и основ исмаилитского учения, а также понимание местных традиций. После избрания и утверждения на своем посту офисом Ага Хана, расположенным в столице Горно-Бадахшанской автономной области городе Хороге, халифа становятся легитимными представителями своих общин в религиозных структур →

→ турах области и в то же самое время выразителями воли последних на местах. Возвращаясь в свои кишлаки со вновь полученными на собраниях исмаилитского актива директивами и разъяснениями, они информируют односельчан о текущей политической обстановке и свежих интерпретациях религиозных догм на собраниях, которые, как правило, посещаются всеми членами общины, включая женщин и детей. С помощью подобной иерархической сети халифа на местах слово Ага Хана довольно быстро достигает самых удаленных уголков Горного Бадахшана. Так как слово это передается самыми уважаемыми людьми в своих сообществах, оно является авторитетным источником информации об окружающем мире и истинным руководством к действию. Причем руководством к действию не только в вопросах веры, но и в вопросах общественной и экономической жизни. Не будет преувеличением сказать, что Ага Хан и связанные с ним структуры фактически исполняют на Памире роль бывших парторганизаций.

Нетрудно заметить, что как при системе иерархически распределенного сакрального авторитета, созданной на Памире, так и при прямом «назначении» сибирских шаманов духами базисом, на котором строится выделение духовной элиты из общей массы, является обладание знанием, недоступным для остальных. Если в случае с шаманом, само имя которого переводится как «тот, кто знает», сокровенное знание черпается непосредственно из глубин сакрального мира, населенного многочисленными духами, в случае с халифом его непререкаемым обладателем является лидер исмаилитов Ага Хан, или, как он еще называется, Имам Времени. В соответствии с убеждениями исмаилитов он является «безмолвным», то есть получившим эзотерическое знание от последнего в истории пророка Мухаммеда, и, таким образом, со-

средоточивающим в себе всю сокровенную мудрость, доступную посвященным. Халифа, которые являются людьми, которым доверяется небольшая толика этой мудрости, соответствующая их положению в исмаилитской иерархии, становятся местной административной элитой именно в силу своей причастности

В наше время приобщенность к оккультным знаниям и сакральным таинствам является неременным условием доступа в мир истинных элит. Вспомним, к примеру, популярный современный миф об участии Буша-младшего в эзотерических ритуалах общества «Череп и кости» во время его учебы в Йельском университете или повсеместно встречаемое убеждение в наличии зловещего мирового правительства, формируемого могущественными адептами тайных орденов

к потаенному знанию. Думается, что допустимо будет назвать это знание, являющееся первоосновой авторитета шаманов и халифа в сельских сообществах Сибири и на Памире, элитарным. Действительно, оно оказывается доступным лишь избранным, при этом сам факт обладания им делает возможным беспрекословное подчинение воле его обладателя и абсолютное доверие односельчан к его прозрениям и советам, даже советам в делах мирских.

Подобное знание, однако, дается человеку лишь на определенных условиях, и этот факт особенно важен. Дело в том, что духи, как это происходит в Сибири, или пророк посредством Ага Хана и созданной им иерархии управления, как это принято на Памире, наделяют того или иного своего представителя трансцендентным знанием лишь при условии принятия тем безусловной ответственности за его сохранение и за использование его во благо людям. В противном случае нарушителя ждет неизбежная кара, причем укрыться от этой кары посредством обычных уловок и ухищрений не представляется возможным. В результате принадлежность к духовной элите, достигаемая таким способом, становится не столько привилегией, сколько как тяжелым бременем, которым ни с кем невозможно поделиться, так и священным долгом, от исполнения которого нельзя отказаться. Следует особо отметить, что это долг перед наделившим человека знанием, а не перед тем, кому избранный подобным образом призван служить. Несмотря на то, что призвание шаманов и халифа – это служба сообществу, свою ответственность они всегда несут перед той самой «вышестоящей» инстанцией, что наделила их скрытым знанием и прилагающимися к нему миссиями и неукоснительно следит за их исполнением. Так как от подобной ответственности невозможно уклониться и наказанием за пренебрежение, в лучшем случае, является преждевременная смерть из-

бранного, желающих стать представителями элиты по своей воле в Сибири, к примеру, оказывается не так много, ведь духов, как считается, невозможно обхитрить, и шаманы никогда не уходят в отставку. Именно по этой причине вопрос об ответственности таких элит и механизмах контроля над их деятельностью со стороны членов обществ, на службе у которых они состоят, никогда не стоит на повестке дня. Он решается сам собой.

Глобальные элиты: сила авторитета

На самом деле ситуация, при которой принадлежность к элите определяется уровнем доступа к сокровенному знанию, которого лишены простолюдины, не сводится лишь к сибирским шаманам или памирским халифам и ни в коей мере не ограничивается уровнем сельской общины. В действительности во многих регионах земли считалось и считается нормальным, когда главным критерием включенности человека в национальную или наднациональную элиту является его сопричастность таинствам, скрытым для остальных членов общества. Потаенное знание при этом тщательно оберегается и передается с помощью особых ритуалов и практик инициации и посвящения, которые сами по себе хранятся в строжайшем секрете. Иногда это приводит к выделению и обособлению особых привилегированных каст, обладающих собственной формальной структурой и особыми регламентами. Иногда же тайное знание остается полностью неструктурированной субстанцией, передаваемой от поколения к поколению весьма экзотическими способами. В качестве примера системного и, можно сказать, даже корпоративного эзотеризма можно привести жреческую аристократию в Древнем Египте или касту брахманов в Индии. В то же самое время порядок наследования титулов далай-ламы и панчен-ламы, и до настоящего времени принятый в Тибете, может послужить хорошим напоминанием о том, что элита совсем не обязательно сменяется посредством формальных, объяснимых и предсказуемых процедур.

В то время как большинство элитологов полагают, что подобные

Ага Хан III (сидит в центре) в кругу семьи

способы селекции, легитимизации и обеспечения преемственности элит являются признаками первобытно-общинного строя и периода зарождения классового общества, конспирологи всех мастей уверены, что и в наше время приобщенность к оккультным знаниям и сакральным таинствам является неперенным условием доступа в мир истинных элит. Вспомним, к примеру, популярный современный миф об участии Буша-младшего в эзотерических ритуалах общества «Череп и кости» во время его учебы в Йельском университете или повсеместно встречаемое убеждение в наличии зловещего мирового правительства, формируемого могущественными адептами тайных орденов. В массовом сознании живуче убеждение в том, что именно эта мировая закулиса осуществляет не прямое, но при этом достаточно уверенное управление мировыми политическими процессами, а также определяет экономическую и культурную повестку дня для всего населения земного шара. Этот процесс она осуществляет, уверены люди, манипулируя массовым сознанием при помощи технологий зомбирования, а также вербуя на свою сторону видных представителей местных правящих классов, запугивая несогласных и поощряя лояльных. Не

стоит впадать в крайности и вставать на какую-либо из этих точек зрения. Представляется, что равным образом далеки от истины и непоколебимые романтики от политики, убежденные в том, что современным миром правит незыблемый закон и чистый разум, и угрюмые мистики, свято верующие в метафизическую неизбежность всех общественных процессов и их абсолютную подвластность харизматичным и беспринципным кукловодам, использующим свою власть для личного обогащения. Истина, как водится, обретается где-то посередине, и, на наш взгляд, история общественной и религиозной деятельности двух последних имамов исмаилитов – Ага Хана III и Ага Хана IV – может послужить этому отличным подтверждением.

Нет никакой необходимости подвергать сомнению факт принадлежности лидеров исмаилитов к высшим эшелонам мировой элиты. В то время как Ага Хан III в 1937 году, к примеру, избирался председателем Ассамблеи Лиги наций, его сын – принц Садруддин Ага Хан – в 1965–1977 годах занимал должность верховного комиссара ООН по делам беженцев. Но не только титулами и связями славится Имам Времени, ведь в его руках находятся и те невидимые, но вместе с тем весьма ➔

→ эффективные рычаги, которые способны приводить в действие скрытые механизмы мировой политики. Как известно, именно в доме Ага Хана на берегу Женевского озера в 1985 году состоялась первая встреча тогдашнего президента США Рональда Рейгана и генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева. Встреча эта, как известно, положила начало кардинальным переменам в мировой политике и в конце концов привела к окончанию холодной войны и распаду Советского Союза.

Те же самые «общечеловеческие ценности», сторонником которых вдруг оказался тогдашний советский лидер, начертаны и на знамени Ага Хана, приверженность которого делу их продвижения является его жизненным кредо. В средние века исмаилиты держали в ужасе весь Ближний Восток посредством сети тайных агентов, наемных убийц и акций устрашения, прославившись своей жестокостью и коварством даже среди крестоносцев. В наше время, однако, их лидеры – по крайней мере, на словах – предпочитают террору и шпионажу западные либеральные ценности, поддерживают религиозную толерантность, рыночную экономику и права человека. Будучи одним из богатейших людей планеты, духовный лидер исмаилитов при помощи обширной сети влиятельных международных институтов и фондов, действующих от его имени и по его поручению, осуществляет масштабные гуманитарные проекты, причем делает это на воистину глобальном уровне. К примеру, Организация Ага Хана по развитию (AKDN) и аффилированные с ней организации оказываются вовлеченными как в значительное количество чисто гуманитарных инициатив, так и в не меньшее число сугубо коммерческих предприятий. Интересы империи Ага

Не только титулами и связями славится Имам Времени, ведь в его руках находятся и те невидимые, но вместе с тем весьма эффективные рычаги, которые способны приводить в действие скрытые механизмы мировой политики. Как известно, именно в доме Ага Хана на берегу Женевского озера в 1985 году состоялась первая встреча тогдашнего президента США Рональда Рейгана и генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева

Хана простираются от сферы здравоохранения, гостиничного и страхового бизнеса до проектов, связанных с развитием сельского хозяйства и премий в области архитектуры.

В то же самое время, как уже отмечалось выше, сам Ага Хан является верховным держателем сакрального знания, располагаясь на са-

мой вершине оккультной иерархии. Стоит напомнить, что в соответствии с учением исмаилитов существует открытое – экзотерическое – знание захир, которое доступно мирянам в виде закона, провозглашаемого пророками, последовательно являющимися на землю в том числе и для того, чтобы помочь людям в выборе правильного жизненного пути и его дальнейшем прохождении. В то же самое время существует и потаенное – эзотерическое – знание батин, раскрываемое каждым пророком лишь своему безмолвному помощнику, или васи. В то время как сам закон, как и захир, его содержащий, изменяется с течением времени и каждой новой эпохе для его провозглашения необходим свой собственный пророк, содержание батина остается неизменным. При этом

именно захир является ключом к его постижению, а потому васи, которому последний по времени пророк передает исключительное право интерпретации вечно изменчивого захира, является в то же самое время держателем тайны истинной сущности батина. На смену каждому васи рано или поздно приходит новый пророк, который, в свою очередь, назначает нового последователя. Данный цикл повторяется вплоть до того момента, когда в день Великого Воскресения как посвященным, так и непосвященным открываются все секреты как экзотерического, так и эзотерического знания. Исмаилиты убеждены, что именно их лидер, Ага Хан, является васи последнего по времени пророка Мухаммеда и, таким образом, он не только обладает правом трактовать закон, но и сосредоточивает в себе всё доступное эзотерическое знание. В его власти, следовательно, находится освобождение, которое достигается раскрытием символов, доступных лишь посвященным.

Необходимо отметить, что и особый статус Ага Хана, которому при-

сути все формальные и неформальные признаки принадлежности к высшим эшелонам мировой элиты, и его активная общественная деятельность, направленная на улучшение жизни простых людей по всему миру, обусловлены наличием у него доступа к сакральному знанию, передаваемому от поколения к поколению. При этом сам он наделяется этим знанием, а также харизмой и властью, необходимыми для умелого с ним обращения, с неизбежным условием, что он берет на себя всю полноту ответственности перед высшим сакральным авторитетом за его корректное использование во благо людей и за его абсолютную сохранность. Эта сделка действительно чем-то похожа на ту, которая каждый раз заключается в далекой сибирской деревне между духами предков и родовым шаманом. Важным в обоих случаях является то, что именно принятие на себя подобной ответственности гарантирует принадлежность избранных к элите, что придает их суждениям и поступкам безусловный авторитет в глазах односельчан или последователей.

Россия: ресакрализация элит
 Проблему элит, как показывают приведенные выше примеры, необходимо сводить к дихотомии ответственности и безответственности. Правда заключается в том, что именно отягощенность ответственностью и является основным характеризующим признаком элиты. Все остальные представители высших страт общественной иерархии, по сути своей, являются лишь иллюзией элиты, или, говоря терминами исмаилитов, захир, ибо люди, не посвященные должным образом в секреты тайного знания батин и не призванные служить высшим целям, не могут считаться элитой по определению. Они могут быть хорошими или плохими руководителями, но никогда – шаманами или васи, то есть, другими словами, избранным меньшинством, право которого властвовать над большинством является непрерываемым и не подлежащим сомнению. Поэтому им придется отвечать за свои ошибки, кроме того, они будут их постоянно совершать, ибо за ними не стоит никакого верховного авторитета, придающего их действиям сакральной легитимности. Отсутствие такого авторите-

Чезаре Маккари. Цицерон обвиняет Катилину. 1888 год

Проблему элит необязательно сводить к дихотомии ответственности и безответственности. Правда заключается в том, что именно отягощенность ответственностью и является основным характеризующим признаком элиты. Все остальные представители высших страт общественной иерархии, по сути своей, являются лишь иллюзией элиты

та и такой легитимности и, как следствие этого, отсутствие страха перед неизбежностью «высшей ответственности», в свою очередь, приводят к тому, что в представлении такой квазиэлиты и любой другой род ответственности выглядит неправомочным. Причина этого в том, что источником ответственности в таком случае выступают низшие слои общества, которые, с точки зрения подобной элиты, могут служить лишь объектом их эксплуатации, орудием реализации их интересов и источником их благоденствия. Низы, уверенны они, не имеют оснований для того, чтобы определять границы ответственности верхов и, таким образом, ставить их под свой контроль.

Можно привести слова известного ученого Миалтона Рокича, который также полагал, что с метафизической точки зрения элита сопоставляется с феноменами традиции, времени и пространства и является воплощением высшей сакральной ответственности за целое. Подлинная элита, по его убеждению, является носительницей ценностей, которые обосновываются высшим сакральным происхождением. Антропологические исследования в Сибири

и в Средней Азии показывают, что именно так и обстоит дело в тех традиционных сообществах на периферии государств, где, как было показано, в наилучшем виде сохраняются представления прошлого. В порядке функционирования современной глобальной элиты также можно отыскать аналоги подобной практики, и это дает нам право высказать предположение, что подобного рода метафизическая ответственность может быть актуальна и в той политической и социальной ситуации, которая сложилась в настоящее время в России. Другими словами, мы можем поставить вопрос о том, что современному российскому обществу требуются свои шаманы и свои васи, и задуматься о том, где найдутся подобные люди знания и кто вменит им ту ответственность высшего порядка, избежать которой у них не будет никакой возможности. Вопрос в таком случае будет стоять не в принуждении к ответственности всех тех, кто называет себя элитой действующей, а в селекции тех ее представителей, кому подобная ответственность была вменена вместе с тем особым знанием, наличие которого является признаком принадлежности к элите истинной. **■**